

Заметки к родословной Е.П. Блаватской I «Она хотела, чтобы не разрывалась цепь любви...»¹

...История есть всегда *воскрешение*, а не суд, так как предмет истории *не живущие*, а умершие <...>. Что для ученых история, то для неученых поминовение...

Н.Ф. Федоров

Героическая жизнь Елены Петровны Блаватской всегда будет привлекать к себе внимание ее почитателей и последователей своим подвигом и самоотверженным служением Истине. Историческая обстановка, близкое окружение, родители, любимые ею родные люди составляют как бы частицу ее самой. И каждое свидетельство об их судьбах оживляет неповторимую картину ее жизни, сближает наши века.

Елена Петровна Блаватская родилась в семье Петра Алексеевича и Елены Андреевны Ган, урожденной Фадеевой. О Фадеевых, о матери Елены Петровны, популярной писательнице XIX века, опубликован обширный материал, но этого никак не скажешь о семье Ган. Даже об отце Елены Петровны известно очень мало, не говоря уже о его родителях, братьях и сестрах. Так возникла задача попытаться собрать воедино сведения о них, разбросанные в доступных жизнеописаниях Е.П. Блаватской, воспоминаниях и очерках тех людей, с кем Елена Петровна связана по рождению и кто принимал участие в ее жизни.

Окружающие влияния, заложение основ нравственного характера, приобщение к культуре, развитие врожденного потенциала и утончение восприятий поднимают и облагораживают дух с раннего детства. Елена Ивановна Рерих отмечала в одном из писем: «Обычно именно самые ранние наши впечатления дают ключ к нашей глубинной природе, и по ним можно определять и будущую судьбу ребенка». Рядом с отцом и матерью Елена Петровна Блаватская прожила первые свои 11 лет. Не менее важным стало следующее 7-летие, проведенное в семье деда и бабушки Фадеевых. Расставшись с отцом после смерти матери, Елена Петровна редко встречалась с ним, но никогда не забывала в своих странствиях по миру и сохранила связь до самой его кончины. Долгие годы никто из родных не знал, где она, и даже считали ее умершей. Но, доверяя отцу, Елена Петровна переписывалась с ним, а Петр Алексеевич помогал ей материально, знал ее местонахождение, держал его в тайне, вероятно, так, как она того желала. Не забыл отец старшую дочь и в посмертном завещании. Он был и оставался ее другом в течение всей своей жизни. Это та близость, о которой она сказала впоследствии: «В Россию уж назад *никогда* не вернусь. Отец умер, никому я не нужна и совсем лишняя на свете». Духовная и кровная привязанность к России прослеживается в биографических материалах о Е.П. Блаватской, публикациях самой Елены Петровны, ее письмах родственникам и друзьям.

В таком ключе и хотелось бы изложить собранные материалы об отце Е.П. Блаватской. Но прежде придется сделать небольшое отступление.

Очень часто образу П.А. Гана придают нелестный характер. В основном благодаря очерку Е.С. Некрасовой² о творчестве Е.А. Ган, опубликованному в «Русской старине» в 1886 году под названием «Елена Андреевна Ган. (Зенеида Р-ва). 1814–1842. Биографический очерк».

¹ Эти слова секретаря Е.П. Блаватской Бертрама Китли, обращенные к деятелям теософского движения в благодарность за свет, который она принесла своим ученикам, точно так же можно отнести к родным Елены Петровны, которых она горячо любила и всегда старалась поддержать.

² Некрасова Екатерина Степановна (1847–1905) – историк литературы, журналист, автор цикла биографических очерков о русских писательницах – Е.П. Ростопчиной, Е.А. Ган, Е. Кульман, А.Я. Марченко, Н.А. Дуровой.

Не умаляя заслуг этой журналистки, биографический словарь русских писателей отмечает, что Е.С. Некрасова, создавая целый цикл о женщинах-писательницах, приносила немало личного в свои суждения об их жизни: «В очерках (как и в мемуарах) Н[екрасова] стремится донести до читателя живой облик своих героинь, атмосферу происходящих событий, причем документир[ованный] рассказ чередуется в ее статьях с беллетризов[анными] фрагментами. Порой эта вольность уводила Н[екрасову] от достоверности. Так, очерк “Е.П. Ростопчина” вызвал протест родственника поэтессы С.П. Сушкова, к-рый обвинил Н[екрасову] в пристрастности, искажении фактов, использовании худож[ественных] произв[едений] как биографического материала»¹.

Этим родственником графини Ростопчиной оказался ее брат, Сергей Петрович Сушков. Он утверждал, что Е.С. Некрасова «прибегла к помощи вымыслов, и весь ее рассказ, от первого до последнего слова, составляет плод одной ее фантазии», и пояснял свой протест так: «Если бы г-жа Некрасова ограничилась критикою сочинений графини Ростопчиной, хотя бы самую враждебную и несправедливую, то для меня не было бы надобности заниматься опровержением ее мнения; но она перенесла тенденциозный критический разбор произведений на критику личности автора, при изображении жизни и характеристики моей сестры в совершенно ложном, неблагоприятном свете, доказывая, что ее натура была “испорченная, эгоистичная, пустая, безнравственная, беспринципная, бессердечная, гордая, злая, мстительная, демоническая (!), что целью своего существования сделала пьянящее веселье, а последний год жизни провела в злобном раздражении и шипении”!..»². «Для меня, хорошо знавшего мою сестру, просто смешно слышать обвинение ее в качествах злобы и мстительности; но для посторонних читателей, не знавших графини Ростопчиной, притом же чрез тридцать лет после ее кончины, когда память о ней в обществе забылась, эти вымыслы г-жи Некрасовой могут быть приняты за правду, и потому я обязан войти в обстоятельное их опровержение»³. В конце опровержения С.П. Сушков добавил: «После графини Е.П. Ростопчиной остаются две дочери и вдова ее сына с малолетними детьми: они могли бы предъявить против г-жи Некрасовой даже судебное преследование за публичное оскорбление в печати посмертной памяти их матери»⁴.

Следующий очерк Е.С. Некрасова посвятила жизни и творчеству Елены Андреевны Ган (11.01.1814–24.06.1842) и, высоко оценивая ее как личность и писательницу, на сей раз своеобразно живописала портрет ее мужа, Петра Алексеевича Гана, как офицера-бездельника, давно утратившего духовные потребности, с которым у молодой жены не было ничего общего. Кроме придания ему черт героев произведений Е.А. Ган, автор, весьма скромно цитируя письма Елены Андреевны, воспроизвела их в свободном пересказе, практически без ссылок и дат, что не может приниматься во внимание при серьезном исследовании. Публикация эта, как известно, побудила Надежду Андреевну Фадееву, сестру Е.А. Ган, несмотря на свой отзыв о Е.С. Некрасовой, которая «очень старательно и добросовестно собрала материалы для этого очерка», напечатать поправки к сведениям о сестре и их матери, Елене Павловне Фадеевой⁵.

Одновременно с очерком Е.С. Некрасовой «Исторический вестник» напечатал статью А.В. Старчевского «Роман одной забытой романистки», где приводились письма

¹ Русские писатели. 1800–1917. Биографический словарь / Гл. ред. П.А. Николаева. М.: Большая российская энциклопедия, 1999.

Ростопчина Евдокия Петровна, графиня, урожд. Сушкова (1811–1856) – поэтесса, переводчик, драматург, прозаик; двоюродная сестра Е.А. Ган и двоюродная тетья Е.П. Блаватской.

² Сушков С.П. Возражение на статью Е.С. Некрасовой о графине Е.П. Ростопчиной // Вестник Европы. 1888. № 5.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Фадеева Н.А. Елена Павловна Фадеева, рожденная княжна Долгорукова // Русская старина. 1886. № 12. Фадеева Надежда Андреевна (1829–1919) – младшая сестра Е.А. Ган, тетья Е.П. Блаватской, руководитель первого Российского отделения Международного теософского общества, основанного в 1883 г.

Фадеева Елена Павловна (1788–1860) – дочь генерал-майора, князя Павла Васильевича Долгорукова, мать Е.А. Ган, бабушка Е.П. Блаватской.

Сведений о том, что Е.П. Блаватская читала опус Е.С. Некрасовой не обнаружено. Но, зная трепетное отношение Елены Петровны к родным и близким, вряд ли впечатление от прочитанного было бы позитивным.

Е.А. Ган издателю ее сочинений О.И. Сенковскому, а их личные взаимоотношения домысливались и трактовались с позиции жены О.И. Сенковского¹. Как сообщала редакция журнала, статья была прислана писателем, почти полвека подвизавшимся на литературном поприще, подписана его полной фамилией, чего оказалось достаточно для публикации. Между тем эта статья показалась оскорбительной родственницам покойной Ган, ее сестре Н.А. Фадеевой и дочери В.П. Желиховской². Они прислали в редакцию свои возражения с просьбой напечатать их и тем дать им возможность восстановить дорогую для них память Е.А. Ган.

Так появилась ответная публикация «По поводу статьи “Роман одной забытой романистки”»: письма Н.А. Фадеевой; В.П. Желиховской и Е.Н. Ахматовой», в которой, в частности, на нелепые измышления А.В. Старчевского о браке Е.А. Фадеевой с первым посватавшимся к ней человеком, за которого ее поспешили пристроить родители, Н.А. Фадеева не могла не возразить: «Выдали не за первого посватавшегося, а за человека, за которого она сама хотела выйти. Ей не препятствовали, потому что тогда брак в шестнадцать лет был самым обыкновенным делом, а посватавшийся был человек хорошего происхождения, умный, отлично образованный, доброго, благородного характера, а потому не было никаких причин противиться этому браку. Впоследствии оказалось, что они не сошлись характерами, но этого нельзя было предвидеть»³. Это, пожалуй, единственное известное нам упоминание родных Е.А. Ган о ее семейной жизни. Но брак, как мы знаем, не распался. Выбор Елены Андреевны оказался очень верным – у супругов родилась дочь Елена. А это значит, сошлись все условия, которые обеспечили такую возможность.

Елена Андреевна посвятила свою жизнь не только семье, но и самозабвенно отдалась творчеству, духовные силы ее не угасли, дарования и мастерство расцвели. «Вышедши замуж 16 лет, она не переставала заниматься науками, – отзывалась вторая сестра Е.А. Ган, Екатерина Андреевна Фадеева⁴, – сама без всякой посторонней помощи выучилась немецкому, итальянскому и английскому языкам; живя почти всегда в уединении, науки и музыка, которую она страстно любила и знала в совершенстве, даже сочиняла музыку для романсов и проч., наполняли ее жизнь. Она много писала, но никогда не могли уговорить ее печатать свои сочинения»⁵. Как видим, и родные, и муж Елены Андреевны не препятствовали ее устремлению к образованию, искусству и литературному творчеству. Они и были поддержкой, первыми читателями и ценителями сочинений Е.А. Ган, в то время как она все больше обращала на себя внимание общества и делалась предметом зависти и праздного любопытства. «Но таковы люди, – подтверждала в одном из писем Елена Андреевна, – что не могут простить мне этих невинных занятий; разумеется, так как мои родные и мой муж не принадлежат к этому числу, то я бросаю слова их на ветер»⁶.

Недалеко от Е.С. Некрасовой и А.Н. Старчевского отстоял и сам О.И. Сенковский, оскорбительно отзываясь об образовании, творческих способностях и своих отношениях

¹ Сенковский Осип Иванович (1800–1858), псевдоним барон Брамбеус – популярный писатель, критик, лингвист-востоковед, редактор «Библиотеки для чтения», где печатались произведения Е.А. Ган. С его женой, Аделаидой Александровной (1806–1856/1859), Е.А. Ган была знакома и состояла в переписке.

² Желиховская Вера Петровна, урожд. Ган, (1835–1896), по первому браку Яхонтова – писательница, драматург, младшая сестра Е.П. Блаватской.

³ Исторический вестник. 1886. № 10.

С «легкой руки» Е.С. Некрасовой одной из причин «несостоявшегося счастья» семьи Е.А. Ган называется 16-летняя разница в возрасте супругов. Однако А.М. Фадеев, говоря о замужестве дочери, подчеркивал молодость 16-летней невесты, но отнюдь не «старость» жениха. «В те времена, – обращает внимание, к примеру, свояченица Льва Толстого Т.А. Кузминская, – если между женихом и невестой было менее 8 лет разницы, считалось неблагополучно». Приведем другие примеры. Так, Август Ган (1730–1799), с которым часто связывают родословную Е.П. Блаватской, был трижды женат. Последний раз он женился в 1795 г. на 17-летней Августе Марии Уитэкер (Whitaker) (1778–1858). Кавказский знакомый и корреспондент Е.А. Ган С.И. Кривцов (1802–1864) женился в 55 лет на 20-летней девушке. Как писал зять В.П. Желиховской А.А. Брусиллов (1853–1926), когда он родился, его отцу было 66 лет, а матери – всего лет 27–28.

⁴ Фадеева Екатерина Андреевна (1818–1898), в замужестве Витте – сестра Е.А. Ган и Н.А. Фадеевой, тетя Е.П. Блаватской, мать известного российского государственного деятеля Сергея Юльевича Витте (1849–1915).

⁵ Из письма Е.А. Фадеевой А.А. Краевскому, издателю и редактору журнала «Отечественные записки», напечатавшему последнюю повесть Е.А. Ган «Напрасный дар» (ОР РНБ, ф. 391, № 783, л. 106).

⁶ *Старчевский А.В.* Роман одной забытой романистки // Исторический вестник. 1886. № 9.

с Е.А. Ган, забыв о правиле: о мертвых говорят хорошее или молчат. Вот что он написал писательнице Е.Н. Ахматовой, опубликовавшей его письма в очерке «Осип Иванович Сенковский (барон Брамбеус)»: «Она [Е.А. Ган] начала далеко не с такой образованностью и не с таким приготовлением, как вы. Когда дрожащая, несмелая, искала она во мне помощи и руководства на поприще умственного труда, ей было только двадцать два года; она не знала даже правописания своего языка, имела очень слабые сведения во французском языке и никакого другого языка не знала. Воспитание ее было очень небрежно, чтоб не сказать более – идеи дики, способности ничего не обещали. Чтобы помочь ей, надлежало прежде всего научить ее писать: из участия, несмотря на мои занятия, я принужден был пройти с нею грамматику Греча, толковать каждое правило языка <...>. Я уговорил ее потом написать что-нибудь оригинальное, потому что переводить она решительно не могла. Первую свою повесть написала она почти в моем доме, под моим руководством. <...> Не зная ваших мнений об Е.А. Ган, я спешу прибавить маленькое объяснение слова “мой друг”, употребленного возле ее имени. Она, действительно, долгое время питала ко мне, могу сказать, живейшую признательность и почти романтическую преданность, что весьма понятно при восторженности ее характера, пользовалась дружбой моего семейства, ее родные были мои друзья и ее даровитая молодость, ее неопытность привлекали к себе мое полное участие: она была тогда мне другом, потом уже не знаю чем была. Мир праху ее! Я имею в моем характере тот важный недостаток, что никогда не изменяю моих чувств к тем, кому однажды даю мою дружбу...»¹.

Насколько правдив в своих чувствах Сенковский, предельно ясно говорит его письмо Елене Павловне Фадеевой, совсем другого рода, написанное им буквально перед самым отъездом Елены Андреевны Ган из Петербурга в 1837 году:

«Мы прежде всего обязаны благодарить вас, как мать милой нашей г-жи Ган. Ваши просвещенные заботы создали и дали развернуться чудному дарованию, открытием которого горжусь, и прекрасному сердцу, благодаря которому, дружба с нею так драгоценна. Ее блестящие литературные успехи, вероятно, уже достигли до слуха материнского, еще до получения этого письма. В ваших письмах к ней чувствуется ваше благосклонное отношение ко мне, так что я считаю долгом сказать, что ее успех, столь же полный, как и заслуженный. Я ничем не пренебрег, чтобы внушить ей доверие к ее дарованию и поддержать в ней охоту к новым трудам, которые будут служить ей источником чистейших духовных наслаждений и большим материальным подспорьем, так как состояние ее не обеспеченное. <...> Нельзя ли г-же Ган иногда приезжать в Петербург, на три или четыре месяца. Эти путешествия настоятельно необходимы и для ее дарования, и для ожидающей ее славы. Я от всей души поработал бы над развитием этого драгоценного зародыша... <...> Провинция – могила дарований. Необходимо окунуться в столичную жизнь, чтобы окрепнуть и получить способность жить затем вдали. Если бы нашлась возможность доставить ей случай прожить некоторое время в Петербурге, я не думаю, чтобы расходы были бы велики; наоборот. Считаю долгом прибавить, что желательно бы осуществить это намерение без особенного промедления. Пока мой журнал существует, можно на него рассчитывать и опираться на него, как на столб. Он доставил бы г-же Ган несколько тысяч рублей, которые покрыли бы ее издержки... Представляю все эти соображения на ваше благоусмотрение. Как мать и умная женщина, вы оцените их, а г-жа Ган сама даст вам отчет в моей дружбе к ней и в моей преданности к вам. Эту преданность можно только сравнить с уважением, которое питаю к вам. Ваш покорнейший слуга Сенковский»².

Естественно, зная истинное положение дел, на очерк Е.Н. Ахматовой в защиту сестры вновь откликнулась Н.А. Фадеева статьей «Елена Андр. Ган и Осип Сенковский в 1836–1838 гг.», давая должную оценку воспитанию и образованию Елены Андреевны, становлению ее как писательницы и отношениям с О.И. Сенковским как редактором и

¹ Русская старина. 1889. № 5.

Ахматова Елизавета Николаевна (1820–1904) – астраханская писательница, переводчик, издатель детского журнала «Дело и отдых» (1864–1866), сотрудничала с «Библиотекой для чтения» и др. журналами.

Письмо О.И. Сенковского написано 3 декабря 1842 г., вскоре после смерти Е.А. Ган.

² Автографы известных и замечательных людей. (Из архива С.Ю. Витте) / С предисл. и примеч. А.П. Барсукова. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1905.

Письмо О.И. Сенковского от 4 мая 1837 г. Е.А. Ган выехала с отцом из Петербурга 7 мая того года.

человеком. Он писал Елене Андреевне, как позже Е.Н. Ахматовой, многостраничные восхищенные письма. Но в них, как отмечала Н.А. Фадеева, имелся «еще исключительный, преобладающий оттенок. Они наполнены изъяснениями пламенной любви, которой Осип Иванович к ней воспылал с первого знакомства. Он ее преследовал этими изъяснениями, надоедал и, наконец, опротивел. Перед отъездом ее из Петербурга, в присутствии сестры ее, Екатерины Андреевны Витте (тогда еще Фадеевой), которая слава Богу жива, здорова и отлично это помнит, – почтенный барон, с плачем, заливаясь обильными слезами, заклинал Елену Андреевну не уезжать. Елена Андреевна была молоденькая, красивая, вполне светская женщина, привыкшая к успехам в обществе, но вместе с тем была прекрасной матерью семейства, страстно любила своих детей, сознавала свой нравственный долг, и эти навязчивые изъяснения пожилого, изрытого оспой, женатого человека, хотя и барона Брамбеуса, вселяли ей отвращение к нему, которое она и не скрывала ни в словах, ни в письмах своих»¹.

При всей присущей ему сдержанности нелюбимую характеристику О.И. Сенковскому дал и отец Е.А. Ган, А.М. Фадеев, приезжавший к дочери и зятю в Петербург в 1837 году: «Человек он был бесспорно замечательно умный и необыкновенно остроумный, но в разговорах с ним проявлялось что-то отталкивающее от него»².

Насколько пострадала Елена Петровна Блаватская от клеветы и злых вымыслов, известно всем, кто ознакомился с ее биографией и кого привлекли ее труды и небывалые знания. Как видим, под прицел попала вся семья, не раз ее родным приходилось бороться за правду и давать опровержения в прессе. Публикации эти и будут для нас наиболее достоверными источниками, как и воспоминания родных Е.П. Блаватской. Большого внимания заслуживают статьи и книги Веры Петровны Желиховской. Вскоре после очерка Е.С. Некрасовой появилась ее статья «Елена Андреевна Ган, писательница-романистка в 1835–1842 гг.»³, излагающая факты из жизни семьи, к примеру, в Петербурге 1836–1837 годов, в отличие от Е.С. Некрасовой, в ином свете, а общий характер повествования ничем не напоминает и даже противоречит ей. Затем вышли книги В.П. Желиховской «Как я была маленькой. Из воспоминаний раннего детства» и «Мое отрочество», которые легли в основу описаний детства и юности ее старшей сестры⁴. Правда, как отмечала Е.Ф. Писарева, русский биограф Е.П. Блаватской, «из них нельзя вынести почти никакого представления о характере и переживаниях самой Елены Петровны»⁵. Однако, по мнению Е.Ф. Писаревой, судя по тому, что дошло до нас, «детство и юность Елены Петровны протекли при очень счастливых условиях в просвещенной и, по всем признакам, очень дружной семье с гуманными традициями и чрезвычайно мягкими отношениями к людям»⁶. Некоторые сведения о семье Ган можно почерпнуть также из очерка В.П. Желиховской «Необъяснимое или необъясненное (Из личных и семейных воспоминаний)», опубликованного в журнале «Ребус» в 1884–1885 годах.

Справедливости ради нужно сказать, что в воспоминаниях Веры Петровны не чувствуется обделенности вниманием родителей и картина детства не представляется скучной или безрадостной, какая складывается в неблагополучной семье. О чем она пишет, вспоминая отца и мать? Новогодняя елка, подарки, прогулки в лес, детские забавы, заботливое отношение отца к ее матери, его рисунки, катание с ним на лошади, пение матери, поездки на море, учеба, любимая бабушка Елена Павловна Фадеева, печаль из-за болезни и смерти матери, огорчение по поводу второй женитьбы отца. Несколько лет Вера

¹ Русская старина. 1890. № 4.

² Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева. 1790–1867 гг. Одесса, 1897.

Фадеев Андрей Михайлович (1789–1867) – российский государственный деятель, тайный советник, отец Е.А. Ган, дед Е.П. Блаватской.

³ Русская старина. 1887. № 3.

⁴ Желиховская В.П. Как я была маленькой. Из воспоминаний раннего детства. СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1891; Желиховская В.П. Мое отрочество. СПб.: Издание ред. журн. «Детское чтение», 1893.

Обе книги изданы после смерти Е.П. Блаватской. Была ли она знакома с замыслами или черновыми материалами этих книг, сведений не имеется.

⁵ Писарева Е.Ф. Елена Петровна Блаватская // О скрытом смысле жизни. К.: Изумрудная Скрижаль, 1997.

Писарева Елена Федоровна (1853–1944) – известный теософ, председатель Калужского теософского общества в 1909–1922 гг., вице-президент Российского теософского общества. С 1922 г. жила в Италии.

⁶ Там же.

Петровна прожила рядом с ним, когда он, вторично овдовев, остался один с новорожденной дочерью. Так и отец поддержал Веру Петровну и внуков после смерти ее первого мужа.

Нетрудно заметить, что до 1880-х годов, собственно до Е.С. Некрасовой и А.Н. Старчевского, никто из авторитетных критиков литературного творчества Е.А. Ган (В.Г. Белинский, И.С. Тургенев) не искал связи между героями ее произведений и личным женским счастьем¹. Во многих последующих материалах о жизни Е.А. Ган мы находим заимствования из Е.С. Некрасовой и даже новые определительные, как пишут, для трагической судьбы писательницы (М.О. Гершензон, Русский биографический словарь, частично Н.Н. Фатов)². Тем же грешит и статья «Ган (Елена Андреевна)» журналиста М.М. (М.Н. Мазаева) в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Эфрона, основанная на публикациях Е.С. Некрасовой, А.В. Старчевского и В.Г. Белинского³. Причем автор неосторожно заходит еще дальше, утверждая, что разлад в семейной жизни и нервозность стали причиной ранней смерти Е.А. Ган. К сожалению, при этом мало или вовсе не обращается внимания на поправки, статьи и воспоминания членов ее семьи. Примеров подобной бестактности в биографических материалах недостатка нет.

Сама же Елена Андреевна Ган имела вполне определенное отношение и к положению женщин-писательниц, и к отождествлению их со своими литературными персонажами. Эти вопросы продолжают волновать и современных исследователей истории женского творчества. «Любопытство публики к писательской жизни, стремление видеть в реальном человеке черты созданных им героев было, конечно, общей чертой тогдашней (и не только тогдашней) литературной жизни»⁴, – пишет исследовательница Ирина Савкина. И против этого, говорит она, одинаково протестовали и Александр Пушкин, и Елена Ган: «Ю.М. Лотман в биографии А. Пушкина описывает абсолютно аналогичную ситуацию, и даже жалобы Пушкина в письме к другу и сравнения, к которым он прибегает, практически те же, что и у Ган»⁵. Также П.И. Бартенев, «на материалах которого во многом основывается наше пушкиноведение, вспоминал: “Князь П.А. Вяземский журил нас, что мы в каждом произведении Пушкина ищем черт автобиографических, тогда как многое писал Пушкин, вовсе забывая о себе лично”»⁶.

«Еще более уязвимо было положение женщины, решившейся писать, – подчеркивает И.Л. Савкина. – Елена Ган, обсуждая эту проблему в повести “Суд света”, говорит, что для провинциальной толпы женщина-писательница – чудовище, которое “приглашали напоказ, как пляшущую обезьяну, как змея в фланелевом” одеяле. Эта проблема очень сильно задевала саму Ган, она неоднократно жаловалась в письмах на то, что окружающие ее люди видят в ней всегда *автора*, и относятся так, будто он литературный персонаж, живущий по законам романтического текста. “Если б ты знала, – пишет она в письме подруге, – как мне противно мое название *femme-auteur*, сколько клевет и неприятностей навлекает оно мне. Никто не хочет понять, что *я* с пером в руках и *я* в моем быту домашнем – совершенно двойственное существо”»⁷. О том же свидетельствует сестра Е.А. Ган, Е.А. Фадеева: «Многого стоило ей отдать первую свою рукопись в печать, более всего в мире желала она,

¹ Белинский В.Г. Сочинения Зенеиды Р-вой // Полн. собр. соч. В 13 т. Т. 7. М.: АН СССР, 1955; Тургенев И.С. Племянница. Роман, соч. Евгении Тур // Полн. собр. соч. В 12 т. Т. 4. М.: Наука, 1980.

² М.Г. (Гершензон М.). Материалы по истории русской литературы и культуры: Русская женщина 30-х годов // Русская мысль. 1911; Батурицкий В. Ган Елена Андреевна // Русский биографический словарь. Т. 5. М., 1914; Фатов Н.Н. Библиографические материалы для изучения жизни и творчества Е.А. Ган. Петроград, 1914.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. VIII. СПб., 1892.

⁴ Савкина И. «Пишу себя...» Автодокументальные женские тексты в русской литературе первой половины XIX века. Tampere: University of Tampere, 2001.

Савкина Ирина Леонардовна – доктор философии, лектор отделения русского языка и культуры университета г. Тампере, Финляндия.

⁵ Савкина И. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века). Wilhelmshorst, 1998 // Литературоведческие тексты (сайт). Режим доступа: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/s_5.htm

Лотман Юрий Михайлович (1922–1993) – советский литературовед, культуролог.

⁶ Кунин В. Пушкин – литературный герой // России первая любовь: Сборник. М.: Книга, 1983.

Бартенев Петр Иванович (1829–1912) – историк, библиограф, основатель и издатель исторического журнала «Русский архив», биограф А.С. Пушкина.

⁷ Савкина И. «Пишу себя...».

чтобы ее настоящее имя осталось неизвестно навсегда, но случай или неосторожность открыли его. Название писательницы тяготило ее, непрощенные удивления и поклонения огорчали ее...»¹.

«“Что! Капитанша или поручица – писательница!.. – говорила Е.А. Ган о провинциальных нравах в повести “Суд света”. – Да это вздор! этого нет и быть не может! – возразят мне многие и многие, – правда, писала Жанлис, так она была придворная, графиня! писала Сталь, – так отец ее был министром, – обе получили высокое образование, но кап...” Однако ж предположим, хоть для шутки, что в толпе вновь прибывших офицеров является рука об руку с одним из них женщина-писательница. – Все заранее знают об ее прибытии, собирают об ней слухи, рассказывают вести бывалые и небывалые, – наконец она прибыла, она здесь...

Ах! как бы ее увидеть!.. <...>

– А знаете, ведь говорят, что все героини ее романов списаны с нее самой.

– Как так?

– Да просто, что ни возьмет в руки перо, то смотри себя и опишет...»².

По свидетельству И.Л. Савкиной, одна из ее коллег, изучая творчество Е.А. Ган, «замечает, что писательница, сделав себя хроникером провинциальных героинь, создала архетип провинциальной героини, который критики простодушно приняли за автопортрет» и «ставит под сомнение кочующие из работы в работу утверждения о крайне неудачном браке и несчастливой семейной жизни Ган»³. Другая – «имеет своими источниками крайне недостоверный текст А. Старчевского, немногие опубликованные письма Ган и суждения главных героинь ее повестей, которые в этом случае рассматриваются как род автобиографии»⁴.

«Описывая жизнь и творчество писательницы, – заключает И.Л. Савкина, – все исследователи пользуются одним и тем же кругом источников, при этом часто относясь к ним без должной критичности»⁵. Она считает, что даже опубликованные письма «не могут использоваться как источник с презумпцией “абсолютной истинности” – очевидно, что любые суждения, высказанные в письме, определяются “установкой на адресата”, не говоря уже об обстоятельствах времени, места, настроения и т.п. А здесь существует много нерешенных проблем. <...> Необходима тщательная работа в архивах, поиск новых материалов, чтобы написать не мистифицированную, а относительно достоверную историю жизни Елены Андреевны Ган»⁶. К последнему можно добавить – более достоверную и непредубежденную историю жизни Елены Андреевны Ган и ее семьи, осторожно подходу к разного рода публикациям.

Основой для поставленной задачи собрать сведения и материалы о семье Ган, кроме перечисленных источников и ранее вышедших работ о жизни и деятельности Е.П. Блаватской, послужили официальные документы XVIII–XX веков, такие как ежегодные адрес-календари, списки генералам и офицерам Российской императорской армии, памятные книжки различных губерний и другие издания. Особую ценность представляет собой архивный документ – Дело об увольнении от службы командира конноартиллерийской легкой № 6 батареи подполковника Гана⁷.

Также востребовались родословные книги позапрошлого века, работы по генеалогии современных авторов. Среди них картотека профессора Э.Н. Амбургера, содержащая

¹ Из письма Е.А. Фадеевой А.А. Краевскому, издателю и редактору журнала «Отечественные записки» (ОР РНБ, ф. 391, № 783, л. 1об.).

Совершенно невозможно представить, что Е.А. Ган при ее благородном воспитании и характере могла бы вынести семейные отношения на суд общества, давая повод для сплетен любопытствующей публике, тем более совершить такой неблагоприятный поступок, как позволить себе высмеять мужа в своих произведениях, как это сделала по отношению к П.А. Гану Е.С. Некрасова.

² Цит. по: *Белинский В.Г. Сочинения Зенеиды Р-вой // В.Г. Белинский. Собр. соч. В 9 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1979.*

³ *Савкина И. Провинциалки русской литературы (женская проза 30–40-х годов XIX века).*

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Дело об увольнении от службы командира конноартиллерийской легкой № 6 батареи подполковника Гана. РГВИА, ф. 395, оп. 36, д. 33 (Предоставлено А.Д. Тюриковым).

сведения об иностранцах, живших и работавших в дореволюционной России¹. Непосредственно интересующему нас роду Ган посвящена работа российского генеалога А.А. Шумкова «Хотилицкие Ганы»², в которой наиболее полно освещается линия Ивана Алексеевича Гана, дяди Е.П. Блаватской.

Даты до 1917 года приводятся по старому стилю. Орфография и пунктуация в цитатах из дореволюционных источников частично приближена к современным нормам.

Важную помощь в работе оказали Наталья Петровна Ган (1944–2016), дочь Петра Алексеевича Гана, праправнука Александра Алексеевича Гана, дяди Е.П. Блаватской (Россия), Елена Аливанцева, заведующая Музейным центром Е.П. Блаватской и ее семьи (Украина, Днепропетровск), Андрей Шумков, главный редактор издательства «Старая Басманная» (Россия, Санкт-Петербург), Александр Подмазо, автор интернет-проекта «1812 год» (Россия, Москва), которым составитель выражает свою признательность и благодарность.

¹ Амбургер Эрик Николаевич (1907–2001) – российский и немецкий историк; с 1920 г. жил в Германии; доктор философии, специалист по немецко-русским отношениям Института славистики Восточно-Берлинской Академии наук, автор около 200 крупных работ, книг и статей. Его картотека об иностранцах, живших и работавших в дореволюционной России, как база данных в настоящее время представлена в интернет-сети.

² Шумков А.А. Хотилицкие Ганы // КАРАМЫШ: Краеведческий и исторический альманах. М.: ООО «Старая Басманная», 2012.